

Сказки Дмитриевича Плутиска-кот

Константина
Ушинского.

I

Жили-были на одном дворе кот, козел да баран. Жили они дружно: сена клок и тот пополам; а коли вилы в бок, так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: где что плохо лежит, туда и глядит. Вот идет раз котишка-мурлышка, серый лобишка; идет да таково жалостно плачет. Спрашивают кота козел да баран:

— Котик-коток, серенький лобок! О чем ты плачешь, на трех ногах скачешь?

Отвечает им Вася:

— Как мне не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да еще и удавку на меня припасала.

— А за что же на тебя такая беда пришла? — спрашивают козел да баран.

— Эх-эх! За то, что нечаянно сметанку слизал.

— Поделом вору и мука, — говорит козел, — не воруй сметаны!

Вот кот опять плачет:

— Била меня баба, била; била-приговаривала: «Придет ко мне зять, где сметаны будет взять: поневоле придется козла да барана резать».

Заревели тут козел да баран:

– Ах ты, серый ты кот, бестолковый твой лоб! За что ты нас-то сгубил?

Стали они судить да рядить, как бы им беды великой избыть – и порешили тут же: всем троим убежать. Подстерегли, как хозяйка не затворила ворот, и ушли.

II

Долго бежали кот, козел да баран по долам, по горам, по сыпучим пескам; пристали и порешили заночевать на скошенном лугу; а на том лугу стога, что города, стоят.

Ночь была темная, холодная; где огня добыть? А котишка-мурлышка уж достал бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном лбами стукнуться. Стукнулись козел с бараном, искры из глаз посыпались: бересточка так и запылала.

– Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся! – да, не долго думавши, и зажег целый стог сена.

Не успели они еще порядком обогреться, как жалует к ним незванный гость – мужичок-серячок, Михайло Потапыч Топтыгин.

– Пустите, – говорит, – братцы, обогреться да отдохнуть; что-то мне неможется.

– Добро пожаловать, мужичок-серячок! – говорит котик. – Откуда идешь?

– Ходил на пчельник, – говорит медведь, – пчелок проведать, да подрался с мужиками, оттого и хворость прикинулась.

Вот стали они все вместе ночку коротать: козел да баран у огня, мурлышка на стог влез, а медведь под стог забился.

III

Заснул медведь; козел да баран дремлют; один мурлыка не спит и все видит. И видит он: идут семь волков серых, один белый – и прямо к огню.

– Фу-фу! Что за народ такой! – говорит белый волк козлу да барану. – Давай-ка силу пробовать.

Заблеяли тут со страху козел да баран; а котишка, серый лобишка, повел такую речь:

– Ах ты белый волк, над волками князь!

Не гневи ты нашего старшего: он, помилуй Бог, сердит! Как расходится – никому несдобровать. Аль не видишь у него бороды: в ней-то и вся сила; бородой он всех зверей побивает, рогами только кожу сымает. Лучше подойдите да честью попросите: хотим-де поиграть с твоим меньшим братцем, что под стогом спит.

Волки на том козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вот Миша крепился, крепился да как хватит на каждую лапу по волку, так запели они Лазаря[29]. Выбрались волки из-под стога еле живы и, поджав хвосты, – давай Бог ноги!

Козел же да баран, пока медведь с волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорее домой.

– Полно, – говорят, – без пути таскаться, еще не такую беду наживем.

Старик и старушка были рады-радехоньки, что козел с бараном домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

     (Голосов: **5**. Рейтинг: **4,00** из 5)

 Загрузка...

Сказки Дмитриевича Ушинского. Умей обождать

Жили-были себе брат да сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленехонькую смородину, а курочка и говорит ему:

– Не ешь, Петя, обожди, пока смородина поспеет!

Петушок не послушался, клевал да клевал и наклевался так, что насилу домой добрел.

– Ох, – кричит петушок, – беда моя! Больно, сестрица, больно!..

Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник – и прошло.

Выздоровел петушок и пошел в поле; бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит:

– Не пей, Петя, обожди, пока остынешь!

Не послушался петушок, напился холодной воды, и тут же стала бить его лихорадка; насилу домой курочка довела. Побежала курочка за доктором, прописал доктор Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел петушок к зиме и видит, что речка ледком покрылась; захотелось петушку на коньках покататься, а курочка и говорит ему:

– Ох, обожди, Петя, дай реке совсем замерзнуть: теперь еще лед очень тонок, утонешь.

Не послушался петушок сестры; покатился по льду, лед проломился, и петушок – бултых в воду! Только петушка и видели.

     (Голосов: 5. Рейтинг: 4,00 из 5)

 Загрузка...

**Сказки
Дмитриевича
Колобок**

**Константина
Ушинского.**

Жил-был старик со старухой. Вот и просит старик:

– Испеки мне, старая, колобок.

– Да из чего испечь-то? Муки нет.

– Эх, старуха, по амбару помети, по сусечкам поскреби – вот и наберется.

Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело колобку лежать, он и покатился с окна на завалинку, с завалинки на травку, с травки на дорожку, – и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а колобок запел:

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён,

Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел:
От тебя, зайца, не хитро уйти.

И покатился колобок дальше – только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему серый волк:

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Не ешь меня, серый волк: я тебе песню спою. – И колобок запел:

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел:
От тебя, волка, не хитро уйти.
Покатился колобок дальше – только его волк и видел.

Катится колобок по лесу, а навстречу ему медведь идет, хворост ломает, кусты к земле гнет.

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Ну где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше моей песенки.

Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён.

Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел:
От тебя, медведь, полгоря уйти.
И покатился колобок; медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса.

– Здравствуй, колобок! Какой ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку, а лиса слушает да все ближе подкрадывается.

Я колобок, колобок,
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел:
От тебя, лиса, не хитро уйти.

– Славная песенка! – сказала лиса. – Да то беда, голубчик, что я стала стара – плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой еще разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, прыгнул лисе на морду да и запел:

Я колобок, колобок...
А лиса его – гам! – и съела.

     (Голосов: **5**. Рейтинг: **4,00** из 5)

 Загрузка...

Сказки Константина Дмитриевича Ушинского. Репка

Посадил дед репку – выросла большая-пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед на помощь бабушку. Бабушка за дедушку, дедушка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабушка внучку. Внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дедушку, дедушка за репку: тянут-потянут – вытащили репку!

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: **5**. Рейтинг: **4,00** из 5)

☐ Загрузка...

Сказки Дмитриевича Золотое яичко

Константина
Ушинского.

Жили себе дед да баба,
И была у них курочка ряба.
Снесла курочка яичко:
Яичко не простое.
Золотое.
Дед бил-бил —
Не разбил;
Баба била-била —
Не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула:
Яичко упало
И разбилось.
Дед и баба плачут;
Курочка кудахчет:
«Не плачь, дед, не плачь, баба.
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое — простое».

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 5. Рейтинг: 4,00 из 5)

✖ Загрузка...

Сказки Дмитриевича Великан и карлики

Константина Ушинского.

Глава I

Житье-бытье великана и карликов

Лет тысяч пять или шесть тому назад, когда на белом свете водилось еще много различных чудес, жил-был где-то очень далеко отсюда, посреди жаркой Африки, огромный великан. По соседству с великаном находилось целое царство удивительно маленьких человечков. Великана звали Антеем, маленьких человечков — Пигмеями. Антей и Пигмеи были детьми одной и той же матери, нашей общей старой бабушки-земли. Они считались братьями и жили дружно, по-братски. Пигмеи были такие крошки, жили за такими пустынями и горами, что неудивительно, если в

сотни лет ни одному человеку не пришлось разу увидеть их. Великана, правда, можно было бы рассмотреть и за сотни верст, но благоразумие приказывало держаться от него подальше.

Пигмей в пять или шесть вершков росту считался между Пигмеями великаном. Из этого вы можете судить, какие это были маленькие человечки. Приятно было бы посмотреть на маленькие города Пигмеев, где улицы были шириною в пять или шесть четвертей, мостовые из крошечных камешков, а самый большой дом не больше беличьей клетки. Дворец пигмейского короля был очень велик – выше даже нашего стула! Стоял он посредине такой обширной площади, что ее, может быть, не закрыть бы и заслонкой из кухонной печи. Главный пигмейский храм был величиною с детский комод, и Пигмеи смотрели с гордостью на это величественное здание. Вообще Пигмеи были очень искусные строители и строили свои дома почти так же, как птички вьют свои гнезда: из соломы, перьев, яичных скорлупок и других не слишком тяжелых материалов. Все это скреплялось вместо извести вишневым клеем, и когда такое величественное здание высыхало на солнце, то карлики находили его и красивым и удобным.

Вокруг пигмейского города расстилались поля. Самое большое из них было не больше нашего цветника. На этих полях маленькие человечки садили пшеничные, ячменные и ржаные зерна, и когда из этих зерен вырастали колосья, то для Пигмеев казались они огромными деревьями. На жатву трудолюбивые крошки выходили с топориками и без усталости рубили зрелые колосья, как рубим мы сосны и березы. Случалось иногда, что неосторожно срубленный колос с тяжелой головкой падал на Пигмея, и всякий раз из этого выходила весьма неприятная история: если Пигмей и оставался жив, то, по крайней мере, долго стонал и охал. Вот каковы были отцы и матери Пигмеев; представьте же себе, каковы у них были детки! Целая толпа пигмейских ребятишек могла бы удобно расположиться спать в нашем башмаке или играть в жмурки в старой перчатке; годового Пигмейчика вы без труда накрыли бы наперстком.

Забавные малютки, как я уже сказал, жили по соседству с

великаном. А великан был действительно великан! Отправляясь гулять, он вырывал целую сосну сажен в десять высоту и помахивал ею, как мы машем тросточкою. Самый зоркий Пигмей без подозрительной трубы не мог видеть ясно головы Антея. Иногда же, в туманную погоду, Пигмеям видны были только страшные ножищи великана, которые двигались будто сами собою. Но в ясный день, когда солнышко блистало ярко, Антей шутил с Пигмеями очень мило: стоит, бывало, подбоченясь, гора горою, и его широкое лицо ласково улыбается маленьким братцам, а единственный глаз, величиною в каретное колесо, торчавший у Антея посреди самого лба, дружески мигает разом всему пигмейскому народу. Пигмеи любили поболтать с своим братцем. Иной пятьдесят раз в день подбежит, бывало, к ногам великана, задерет кверху головку, приложит кулак ко рту и закричит, как в трубу, изо всей мочи: «Го-го, братец Антей! Как поживаешь, мой милый?» И если тоненький писк достигал до слуха великана, то он, бывало, непременно ответит: «Спасибо, братец Пигмей, живу помаленьку», но ответит так, что даже пигмейские дома задрожат.

Большим счастьем было для Пигмеев, что Антей был с ними дружен. Если бы он так же злился на них, как злился на всякое другое живое существо, то одним пинком мог бы перевернуть все их царство кверху ногами; стоило ему ступить на пигмейский город, и следа бы его не осталось. Но Антей любил своих крохотных братцев, насколько мог любить такой грубый великан, а они платили ему такую любовью, какая только могла поместиться в их крошечных сердечках. Великан как добрый брат и хороший сосед не раз оказывал Пигмеям большие услуги. Если ветряные мельницы их переставали вертеться за недостатком ветра, то стоило только Антею подышать на крылья, и мельницы принимались молотить; жгло ли крошек солнце слишком сильно, Антей садился на землю, и тень его закрывала все их царство из конца в конец; но вообще Антей был довольно умен, чтобы не мешаться в дела крошек, и предоставлял им самим управляться, как знают.

Пигмеи жили недолго, жизнь Антея была длинна, как его тело.

Много пигмейских поколений сменилось на глазах Антея. Самые почтенные и седые Пигмеи не слыхали от своих предков, когда началась их дружба с Антеем. Никто из Пигмеев не помнил, чтобы они когда-нибудь ссорились с громадным братом. Дружба их шла ненарушимо с незапамятных времен. Однажды только Антей по неосторожности сел разом на пять тысяч Пигмеев, собравшихся на великолепный парад. Но это было одно из тех печальных событий, которых никто не может предвидеть, а потому Пигмеи не рассердились на Антея и только попросили его, чтобы вперед он осторожнее выбирал место, где ему захочется усесться; на месте же печального события Пигмеи воздвигнули пирамиду четверти в три вышиною.

Приятно было думать, что существа, столь различные по величине, питали друг к другу такую нежную братскую любовь. Эта дружба была счастьем для Пигмеев, но она была также счастьем и для великана. Может быть, Пигмеи были даже нужнее своему длинному братцу, чем он Пигмеем. Не будь у Антея его маленьких братьев, и у него решительно не было бы ни одного друга в целом мире. В целом мире не было ни одного великана, похожего на Антея, и когда Антей стоял, как громадная башня, а голова его уходила в облака, то он был страшно одинок. Да и нрава Антей был неуживчивого: встретиться он с подобным ему великаном, то, вероятно, начал бы с ним драку не на живот, а на смерть. Им вдвоем показалось бы тесно жить на белом свете. Но с Пигмеем Антей был самым добродушным, ласковым великаном.

Маленькие приятели Антея, как вообще все маленькие люди, были о себе очень высокого мнения и, говоря о великане, принимали покровительственный тон.

– Бедное доброе создание, – говорили они об Антее. – Пропал бы он без нас, бедняга! Ему одному, должно быть, ужасно как скучно. Уделим же минутку нашего драгоценного времени и позабавим милого дружка. Поверьте, что он очень нуждается в нас и далеко не так весел, как мы. Спасибо матушке-земле, что она не создала нас такими же великанами!

По праздникам Пигмеи превесело играли с Антеем. Он, бывало, растянется на земле и займет собою такое пространство, что для коротенького Пигмея пройти от Антеевой головы до его ног было весьма порядочной прогулкой. Крошечные человечки весело перепрыгивали у него с пальца на палец, смело запрятывались в складки его одежды, взбирались к нему на голову и не без ужаса заглядывали в его широкий рот – страшную пропасть, куда могли бы провалиться сотни две Пигмеев разом. Дети играли в прятки в волосах и бороде Антея, а большие держали пари, кто скорее обежит вокруг его единственного глаза. Иные молодцы со всего размаха даже прыгали с носа Антея на его верхнюю губу.

Говоря откровенно, Пигмеи иногда препорядочно надоедали своему братцу, как надоедают нам мухи и комары, но Антей принимал их шутки очень добродушно. Смотрит-смотрит, бывало, на все их проказы и расхохочется. Да так расхохочется, что весь пигмейский народ закроет себе уши, чтобы не оглохнуть.

– Хо, хо, хо! – проревет Антей, колыхаясь, как огнедышащая гора при извержении. – Право, недурно быть таким крошкой, и не будь я Антеем, я пожелал бы быть Пигмеем!

Счастливо жили Пигмеи, но была у них своя забота. Они вели постоянную войну с журавлями, и эта война тянулась так долго, что и великан даже не помнил, когда она началась. Страшные битвы происходили по временам между маленькими человечками и журавлями! Величественны были Пигмеи, когда верхом на белках, кроликах, крысах и ежах, вооружившись мечами и копьями, луками и стрелами, трубя в трубы, сделанные из соломинок, с громким ура! кидались в битву. При этих случаях пигмейские полководцы, возбуждая воинов к битве, не раз говорили им: «Помните, Пигмеи, что весь мир смотрит на вас!» Хотя, правду говоря, смотрел на них единственный, несколько глуповатый глаз Антея.

Когда обе враждебные армии сходились к битве, то журавли кидались вперед и, махая крыльями, вытягивая шеи, старались выхватить кого-нибудь из пигмейских рядов своими длинными носами. Грустно было видеть, как иногда маленький человечек,

барахтаясь, дрыгая ножками, исчезал мало-помалу в длинном журавлином горле. Но герой, как вы знаете, должен быть готов к случайностям всякого рода, и, без сомнения, слава утешала Пигмеев даже в журавлином зобу. Если Антей замечал, что битва становится уже слишком жарка и что его маленьким приятелям приходится плохо, то он только махнет, бывало, своей дубиной, и журавли с криком, перегоняя друг друга, убираются восвояси. Тогда пигмейская армия возвращалась с торжеством, конечно, приписывая победу своей собственной храбрости искусству своих полководцев. Долго после того по улицам пигмейских городов ходили торжественные процессии, горели блестящие иллюминации и фейерверки, задавались великолепные публичные обеды, выставлялись статуи героев во весь их маленький рост. Если же какому-нибудь Пигмею удавалось вытащить перо из журавлиного хвоста, то это перо гордо колыхалось на его шляпе; за три, за четыре таких пера храбрец делался даже предводителем пигмейской армии.

Так-то жили и благоденствовали маленькие Пигмеи возле своего громадного брата, и дружба их, может быть, продолжалась бы и до сих пор, если б не случилось одного печального происшествия, о котором я расскажу вам в следующей главе.

Глава II

«Нашла коса на камень»

Однажды в праздник Антей отдыхал, растянувшись на земле во весь свой рост; голова его лежала на одной границе Пигмейского государства, а ноги далеко выходили за другую. Маленькие

человечки кучами лазили по нем, карабкались к нему на голову, заглядывали к нему в рот, играли в прятки в его волосах. По временам великан дремал, и храп его раздавался подобно порывам бури. В такую сонную минуту один пигмейский храбрец взобрался на самый лоб Антея и оттуда, как с высокой башни, любовался окрестностью. Вдруг видит Пигмей вдали что-то такое странное, небывалое – смотрит, смотрит и не верит глазам своим! Сначала Пигмею показалось, что вдали стоит гора на том месте, где ее прежде не было. Но скоро он убедился, что эта гора движется. Еще прошло минуты две, и Пигмей с изумлением увидел, что это вовсе не гора, а огромный человек, не такой, правда, огромный, как Антей, но все же довольно велик для того, чтобы показаться Пигмею страшилищем, да и мы бы назвали незнакомца человеком громадного роста.

Пигмей страшно перетревожился. Сначала он не знал, что ему делать, но потом спустился проворно к уху великана, влез туда, как в пещеру, и закричал что было мочи:

– Го, го! Братец Антей, вставай, проворнее вставай! Бери свою дубину, сюда идет другой великан и, должно быть, хочет драться с тобою!

– Эй, братец, перестань! – промычал Антей. – Оставь дурачиться, я спать хочу! Какие там великаны? – прибавил Антей и задремал снова.

Но Пигмей не успокоился: взглянул опять туда, где видел чужого великана, и с ужасом заметил, что он уж очень недалеко, так что можно было ясно рассмотреть его лицо и одежду. На голове у незнакомца был золотой шлем, а латы его ярко блистали на солнце. Он был опоясан широким мечом, львиная шкура развевалась у него на плечах, в одной руке держал он громадную палицу, которая, казалось, была даже тяжелее Антеевой сосны. Теперь уже и весь пигмейский народ заметил громадного незнакомца, и целый миллион маленьких голосков завопил разом:

– Вставай, Антей! Проснись, лентяй! Идет другой великан, такой

же сильный, как ты, и хочет биться с тобою!

– Вздор, пустяки! – мычал сквозь сон Антей. – Пусть там идет себе кто хочет.

Но в это время незнакомый богатырь подходил все ближе и ближе, и Пигмеи видели теперь совершенно ясно, что если он ростом и поменьше Антея, зато в плечах гораздо будет пошире. О, как страшно широки были эти плечи! Пигмеи были преживой, пребойкий народец, гораздо сметливее их тяжелого, глуповатого братца, – и вот они принялись кричать в один голос, толкали Антея чем ни попало и даже кололи своими маленькими мечами его толстую кожу.

– Вставай же! Вставай! Вставай! – кричали они. – Поднимай свои ленивые кости! Посмотри, что за палица у незнакомца, гораздо тяжелее твоей, посмотри, что у него за богатырские плечи, гораздо шире твоих.

Антей никогда не мог слышать хладнокровно, что есть где-нибудь существо, равное ему по силе. С досадою, нехотя стал он просыпаться; зевнул раза три, открывши при этом рот сажени на две; потом протер глаз и наконец повернул-таки башку в ту сторону, куда указывали ему его маленькие друзья... Но едва увидел он незнакомца, как в ту же минуту вскочил на ноги, схватил свою сосну и, страшно потрясая ею в воздухе, зашагал навстречу незнакомцу.

– Ты кто такой? – прогремел великан. – Что тебе здесь нужно? Зачем тебя несет сюда, в мои владения?

Я не сказал вам, дети, еще об одной странности, которая водилась за Антеем, – не сказал именно потому, что, услышав от меня о стольких чудесах разом, вы бы, пожалуй, мне и не поверили. Знайте же, что всякий раз, как этот страшный великан дотрагивался до земли, силы его увеличивались вдесятеро. Мать его – земля, как вы видите, очень любила и берегла своего неуклюжего сына.

К счастью еще, Антей был ленив и не любил двигаться. Не дай Бог, если б прыгал и вертелся, как Пигмеи, он, наверное, обрушил бы тогда небо на нас, бедных жителей земли. Но, к счастью, этот неуклюжий малый был громаден, как гора, и почти так же, как она, неподвижен.

Нет сомнения, что всякий другой человек перепугался бы до полусмерти, взглянув на свирепое лицо разъяренного великана, но стоявший перед ним незнакомый богатырь, видно, был не трусливого десятка и едва ли даже знал, что такое страх. Он, преспокойно играя палицей, измерил Антея глазами с головы до ног и даже не показал очень большого удивления: казалось, незнакомец видал прежде много великанов даже побольше Антея.

– Говори же, кто ты такой? – заревел Антей снова. – Как тебя зовут и что тебе здесь нужно? Отвечай сию минуту, бродяга, а не то я попробую своей тросточкой, толста ли у тебя кожа.

– Ты, как я вижу, большой невежа, – отвечал незнакомец очень спокойно. – И мне, вероятно, придется поучить тебя учтивости. Ты хочешь знать мое имя?... Пожалуй! Зовут меня Геркулесом, а иду я в Гесперидские сады за золотыми яблоками.

Услышав имя Геркулеса, Антей рассвирепел еще пуще: даже и в африканскую пустыню достиг к Антею слух о страшной силе, необыкновенном мужестве и чудесных подвигах Геркулеса. Антей же, как вы знаете, не мог сносить равнодушно, чтобы, кроме него, были на свете и другие сильные существа.

– Так знай же, бродяга, – заревел Антей, – что ты не пойдешь далее, да и назад не воротишься!

– А как же ты помешаешь мне, – спросил Геркулес, – идти, куда мне угодно?

– Да вот как: дам тебе отведать, вкусна ли моя сосенка! – прокричал великан с злобным хохотом. В эту минуту Антей был действительно отвратительнейшим чудовищем. – Разве ты не знаешь, – продолжал он, – что я в десять, во сто раз сильнее

тебя и что мне стоит только поставить ногу на землю, чтобы быть в тысячу раз сильнее? Мне стыдно убивать такое ничтожное существо, как ты, и я хочу живого отдать тебя вместо игрушки моим братьям, Пигмеям. Клади же свою дубину, снимай свой шлем и подай сюда твою львиную кожу: я сделаю себе из нее пару перчаток!

— Приди и сам сними ее с моих плеч, — отвечал Геркулес, подымая палицу.

Скрежеща от ярости зубами, двинулся великан на Геркулеса и занес над ним свою сосну, но Геркулес был гораздо ловчее Антея: отвел грозивший ему удар своею палицею и, в свою очередь, так метко хватил Антея по громадной башке, что он, как тяжелая башня, рухнулся на землю. Бедным маленьким Пигмеям и во сне никогда не снилось, чтобы кто-нибудь мог быть сильнее Антея, увидя же такой удар, они не на шутку перепугались за своего неуклюжего брата. Но Антей быстро поднялся с земли и, ставши в десять раз сильнее прежнего, с бешенством кинулся на Геркулеса. Он страшно замахнулся на богатыря своею сосною, но, ослепленный яростью, не попал, куда метил, и ударил в свою же невинную мать-землю так, что та застонала и задрожала. Пока Антей вытаскивал сосну, которая вошла в землю очень глубоко, Геркулес успел ударить его снова палицею между плеч. Великан испустил страшный, оглушительный крик — такой крик, что его, как я думаю, можно было слышать даже по ту сторону африканских степей: от одного сотрясения воздуха при этом крике пигмейская столица превратилась в развалины. Но, вытащив свою сосну, Антей снова стал в десять раз сильнее прежнего — и снова кинулся на Геркулеса.

В этот раз Геркулес так ловко подставил свою дубину, что Антеева сосна, ударившись о нее, разлетелась на тысячи кусков. Воспользовавшись этим обстоятельством, Геркулес снова свалил с ног Антея; но снова только сделал его в десять раз сильнее прежнего. Нужно ли говорить, какая ярость кипела в душе великана? Единственный глаз его сверкал, как раскаленный докрасна круг железа. У Антея не было уже оружия, но

оставались еще два кулака, каждый с доброго кабана величиною. Размахивая руками, с пеной у рта снова кинулось разъяренное чудовище на Геркулеса.

– погоди же! Вот я тебе! – проревел Антей, не помня себя от бешенства.

Тут Геркулес увидал, что ему не справиться с Антеем, если он будет по-прежнему сбивать его с ног. Каждый раз гигант делается сильнее и может наконец сделаться сильнее самого Геркулеса. Геркулес был не только силен, но и умен. Он бросил палицу, с которою одержал столько удивительных побед, и приготовился встретить Антея грудь грудью.

– Пожалуй! – закричал он чудовищу. – Сосна твоя сломалась, попробуем же, кто из нас борется лучше.

– О! Теперь ты уж от меня не уйдешь! – проревел обрадованный великан, который считал себя лучшим борцом в целом свете. – Давай бороться, я закину тебя туда, откуда ты уже во веки веков не вылезешь.

Началась страшная борьба. Геркулес, уловив удобную минуту, схватил Антея посредине тела и поднял его над землею. О, какая это была картина! Громадный великан, поднятый на воздух, болтал своими длинными руками и ногами и изворачивался всем своим неуклюжим телом, как маленький ребенок, которого отец поднимает до потолка. Но как только Антей был оторван от земли, силы его начали пропадать. Геркулес скоро заметил, что враг его становится все слабее и слабее, бьется и вертится все тише и тише и наконец уже не кричит, а только хрипит: чудовище издыхало. Отделенный от земли, великан не мог прожить и пяти минут: умный Геркулес отгадал эту тайну и одолел гиганта, который казался неодолимым.

Когда великан перестал дышать, Геркулес бросил его бесчувственное тело на землю. Теперь уже и мать сырая земля не могла воскресить своего бездыханного сына. Я полагаю, что громадный остов Антея и в настоящее время лежит на том же

месте, где бросил его Геркулес. Но если путешественники видели этот остров, то, вероятно, приняли его за кости какого-нибудь громадного допотопного животного.

Глава III

Мсть пигмеев за брата

О, какой жалобный стон подняли бедные Пигмеи, увидав, что сделал незнакомец с их громадным братом! Надобно полагать, что даже Геркулес слышал эти отчаянные крики, но, вероятно, подумал, что это пищали какие-нибудь птички, спугнутые с гнезд стуком оружия и криками Антея.

Геркулес устал: он шел издалека и битва его утомила. Ему захотелось спать, и он, не долго думав, сбросил с плеч на землю свою львиную шкуру и преспокойно на ней улегся.

Пигмеи еще более были оскорблены таким равнодушным презрением пришельца и, убедившись, что он заснул, собрались на народное совещание. Громадная толпа маленьких человечков покрывала собой площадь аршин в 30 квадратных. Один из красноречивейших пигмейских ораторов, который так же искусно действовал языком, как и оружием, взобрался на первый попавшийся красивый мухомор и оттуда повел речь к окружавшей его толпе сограждан.

— Великие Пигмеи, великие маленькие люди! — говорил он. — Мы все видели, какое страшное общественное бедствие разразилось над нами и какое кровавое оскорбление нанесено величию нашего

народа! Взгляните: там лежит Антей, наш друг и брат! Убит, убит в границах нашего государства! Убит ничтожным пришельцем, который застал его врасплох и сражался с ним... Но разве это убийство можно назвать сражением?! О таком сражении не слыхал до сих пор никто: ни великан, ни Пигмей. И теперь, довершая злодейство оскорблением, убийца улегся спать посреди нас так же спокойно, как будто бы он и не заботился о нашем мщении. Подумайте, великие Пигмеи, что заговорит о нас свет, что скажет беспристрастная история, если мы оставим неотомщенным это чудовищное, неслыханное оскорбление? Антей был брат наш, сын нашей матери, от которой мы получили наше тело и наши храбрые сердца; он знал это – и гордился нашим родством! Он был нашим верным союзником и пал, сражаясь за свою честь и за наши народные права. Мы и наши предки жили с ним в дружеских сношениях с незапамятных времен. Вспомните, как часто весь наш великий народ отдыхал под тенью Антея! Вспомните, как наши малютки, играя, прятались в кольца его волос! Вспомните, как осторожно двигалась между нами его могучая стопа! А теперь этот добрый брат, этот тихий и ласковый друг, этот храбрый и верный союзник наш, этот добродетельный великан, этот безукоризненный Антей – убит, убит! Лежит бездыханный, бесчувственный, неподвижный, как гора! О, простите! Слезы невольно льются у меня из глаз, но я вижу, что и ваши глаза также оросились слезами, и не стыжусь плакать. Может ли, смеет ли обвинить нас мир, если мы затопим его нашими слезами?!

Но к делу!.. – продолжал оратор. – Не слезы, нет, не слезы, но месть должна быть утешением героев. Великие Пигмеи! Неужели мы стерпим это оскорбление? Неужели мы позволим вероломному чужестранцу уйти безнаказанно из нашего государства, уйти в далекие страны и там хвалиться своим подвигом? Не должны ли мы заставить его сложить свои кости там же, где лежит труп нашего друга и брата? Пусть остов этого злодея вечно свидетельствует миру о силе пигмейской мести. Месть, месть! Я уверен, что решение этого собрания будет достойно нашего народного характера и увеличит, а не уменьшит ту славу, которую передали нам наши предки и которую мы так доблестно поддерживали в наших

битвах с журавлями!

Речь оратора была прервана взрывом рукоплесканий. Толпа единодушно вопила, что народная честь должна быть спасена. Успокоивши слушателей движением руки, оратор продолжал:

– Теперь нам остается только решить вопрос: будем ли мы сражаться целым народом против нашего общего врага или кто-нибудь один из нас будет избран вызвать на поединок убийцу нашего милого брата? О, как бы радовался я, если бы эта великая честь пала на меня! И поверьте мне, сограждане, что какая бы судьба меня ни ожидала, я не уроню чести нашей родины, чести, завещанной нам нашими храбрыми предками. Никогда, никогда! Если бы даже злодейская рука, убившая великого Антея, уложила и меня на ту же родную землю, на защиту которой я отдаю жизнь мою!

При этих словах мужественный Пигмей выхватил свой страшный меч величиною с перочинный ножик и далеко отбросил от себя ножны. Восторженные крики и рукоплескания были ответом оратору; страшный шум продолжался бы долго, если б в эту минуту он не был заглушен сильным дыханием или попросту храпом спящего Геркулеса.

После короткого совещания о том, как действовать против общего врага, все воины пигмейского народа взялись за оружие и мужественно двинулись на Геркулеса. А он, несчастный, продолжал спать очень крепко, не видал даже и во сне, какие беды готовятся ему Пигмеями. Впереди шел двадцатитысячный отряд стрелков, наложив стрелы на тетивы, за этим отрядом шел другой, который вместо оружия нес лопаты, связки сена и разный мусор: эти храбрецы должны были выкопать глаза Геркулесу и, заткнув ему чем попало рот и ноздри, задушить злодея. Но вихрь, выходящий из носа и рта неприятеля, уносил храбрых воинов, как ураган, что помешало им исполнить возложенное на них поручение.

После такой неудачи Пигмеи держали снова военный совет, на

котором было решено сжечь Геркулеса живым. Тысячи пигмейских воинов, работая из всех сил, наносили сучьев, соломы, хворосту и обложили им голову Геркулеса. Между тем пигмейские стрелки стали в таком расстоянии, чтобы пустить в лицо неприятеля, как только он проснется, целую тучу стрел. Когда все было готово, принесли горящую головню и подожгли хворост. Сильное пламя миглом вспыхнуло, и неприятель непременно бы сгорел, если бы остался лежать на месте. Пигмеи, как вам известно, хоть и маленькие люди, но могут точно так же наделать пожару, как и самый большой человек. Но как только Геркулес почувствовал, что его начинают жарить, то вскочил на ноги в ту же минуту и стал тушить свои волосы, которые уже горели.

— Это что еще значит? — закричал он, с изумлением осматриваясь вокруг и не замечая никого.

В эту минуту двадцать тысяч стрел, жужжа, как рой комаров, понеслись прямо в лицо неприятеля, но я полагаю, что немногие из них пробili кожу богатыря, которая, как и следует быть богатырской коже, была очень толста.

— Злодей! — крикнули в это время все Пигмеи разом. — Ты убил нашего великого брата и союзника, мы объявляем тебе кровавую войну на жизнь и смерть, войну до тех пор, пока не положим тебя на месте!

Геркулес в это время уже успел потушить свои волосы, и до слуха его достиг крик миллиона тоненьких голосков. С удивлением осматривался он вокруг, но никого не видал. Наконец уже случайно взглянул он на землю и заметил, что у ног его копошатся тысячи крошечных созданий. Геркулес видел множество чудес, но таких маленьких людей еще никогда не видал. Он нагнулся, поймал пальцами одного из Пигмеев и, поставив его к себе на ладонь, поднес к глазам, чтобы рассмотреть поближе, что это было такое. Случилось, что этот Пигмей был тот самый красноречивый оратор, который, как вы помните, говорил такую геройскую речь с верхушки мухомора и просил позволения у народа вызвать Геркулеса на поединок.

– Что же ты такое, мой маленький приятель? – спросил Геркулес, с удивлением рассматривая крошечное существо, стоявшее на его широкой ладони.

– Кто я?... Я враг твой! – отвечал мужественный Пигмей. – Ты убил великана Антея, нашего брата и друга, верного союзника нашего великого народа. Мы решили отомстить тебе, и я – я вызываю тебя на смертный бой!

Мужественный писк Пигмея и воинственный вид этого крошечного существа, так храбро стоявшего на ладони, поразили Геркулеса. Он разразился громовым хохотом и едва-едва не задушил маленького храбреца, невольно сжимая руку в припадке судорожного смеха.

– Клянусь честью, это чудо из чудес! – вскричал богатырь. – Я видел гидру с девятью головами, оленей с золотыми рогами, шестиногих людей, трехголовых собак, но здесь, на моей ладони, стоит чудо, превосходящее все, что я только видел. Твое тело, приятель, меньше моего мизинца, но какова же должна быть твоя душа?

– Она так же велика, как твоя! – отвечал Пигмей спокойно и с достоинством.

Геркулес был тронут непобедимым мужеством крошечного существа и не мог не почувствовать к нему того уважения, какое невольно чувствует один герой к другому.

– Мой храбрый маленький народ! – сказал Геркулес, осторожно опустив храбреца на землю и отдавая низкий поклон великой нации. – Ни за что в мире не решился бы я с намерением оскорбить таких храбрых маленьких людей, как вы. Ваши сердца мне кажутся такими великими сердцами, что я решительно не понимаю, как они могут поместиться в таких маленьких телах. Я прошу у вас мира, с тем условием, чтобы мне позволено было сделать пять шагов и на шестом очутиться вне пределов вашего государства. Прощайте! Я постараюсь ступать осторожнее, чтобы не раздавить кого-нибудь из вас, что было бы мне очень

прискорбно. Но и вы, с своей стороны, потрудитесь посторониться. Го, го, го, го, го, посторонитесь! Я в первый раз признаю себя побежденным!

Некоторые из писателей говорят, будто Геркулес забрал всю великую нацию Пигмеев в свою львиную кожу, принес их домой в Грецию и отдал вместо игрушки детям короля Эрисфена, но это ошибка: Геркулес не тронул ни одного из Пигмеев и оставил их там же, где они жили. Может быть, потомки их и теперь продолжают по-прежнему жить на том же самом месте, по-прежнему строят свои маленькие города, по-прежнему обрабатывают свои маленькие поля, убаюкивают своих крохотных детей, дают свои маленькие сражения журавлям, пишут и читают маленькие истории своих великих подвигов. В этих историях пишется, может быть, что много-много столетий тому назад мужественные Пигмеи отомстили за смерть своего брата и друга, великана Антея: принудили славного и могущественного Геркулеса признать себя побежденным и обратили его в бегство.

 (Голосов: **5**. Рейтинг: **4,00** из 5)

 Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Сумка почтальона

Коля был добрый, но очень рассеянный мальчик. Он написал очень миленькое письмо к своей бабушке в Петербург: поздравлял ее с Светлым праздником, описывал свою деревенскую жизнь, чему он учится, как проводит время, — словом, письмо было очень, очень миленькое; но только Коля вместо письма вложил в пакет пол-листа чистой бумаги, а письмо осталось лежать в книге, куда Коля его сунул. Пакет запечатан, адрес написан, почтовая марка приложена — и пустой пол-лист бумаги отправился в Петербург поздравлять бабушку с праздником.

Верст пятьсот проскакал Колин пакет, точно торопясь за каким-нибудь важным делом. Вот он и в Петербурге, а через несколько минут и в сумке почтальона, который бежит по улицам, звонит у подъездов и раздает письма по адресам. Но Колиному пакету не лежалось в сумке: он, как все пустые существа, был очень болтлив и любопытен.

— Вы куда отправляетесь и что в вас написано? — спросил пакет Коли у своего соседа — толстого, красивого пакета из веленовой бумаги, украшенного большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшений.

Богатый пакет отвечал не сразу; он сначала посмотрел, с кем имеет дело, и, видя, что дерзкий, осмелившийся вступить с ним в разговор был хорошенький, глянцевитый, чистенький пакетец,

удостоил его ответа.

– По адресу, который на мне написан, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я еду к очень и очень важному лицу. Представьте же себе, каково мне лежать в этой темной, вонючей сумке, рядом с такими пакетами, каков, например, мой сосед с левой стороны. Жаль, что вы не видите этого серого, запачканного уroda, запечатанного каким-то хлебным мякишем вместо сургуча и какою-то солдатскою пуговицею вместо печати. И адрес-то какой на нем? Каракульки! И идет-то он куда: на Петербургскую сторону, в Немощеную улицу, и то еще в подвал! Фи, невольно испачкаешься, лежа возле такого соседа!

– Я не виноват, что нас положили рядом, – отвечал сурово солдатский пакет, – и мне, признаться, скучно лежать возле такого надутого, но пустого и глупого барина, как ты. Обертка-то твоя хороша, но что в середине? Все пустые фразы, в которых нет ни слова правды. Тот, кто писал тебя, терпеть не может того, к кому ты написан, а между тем посмотри, сколько желаний, искренних поздравлений и в конце – глубочайшее уважение и совершеннейшая преданность! А все это вздор и ложь! Нет тут ни уважения, ни преданности, и потребуй-ка от этого покорнейшего слуги какой-нибудь действительной услуги, тогда и узнаешь, чем пахнет эта услужливость и уважение.

– Грубиян, невежда, как ты смеешь! Я удивляюсь, как почтальон не выкинет тебя на улицу за такие дерзости! Ты посмотри только на мой герб.

– Что герб! – отвечал грубо солдат. – Герб у тебя хорош; но под гербом-то что? Пустышка, глупые фразы! Ни одной капли правды – все ложь, гордость да чванство!

Гербовый пакет готов был лопнуть с досады и лопнул бы наверное, если бы в это самое время почтальон не вытащил его из сумки и не передал раззолоченному швейцару.

– Слава Богу! Одним дураком меньше, – продолжал расходившийся солдатский пакет. – И это глупое, надутое животное смело еще

досадовать, что лежит вместе со мною... Если бы только он знал, что во мне написано!

– Что же такое написано в вас? – спросил Колин пакет, очутившийся по соседству с серым пакетом, запечатанным солдатской пуговицей.

– Да вот что, мой любезный чистенький господинчик. Я несу известие бедной, дряхлой старушке, что сын ее, о котором она не слыхала уже лет десять, с тех самых пор, как его взяли в рекруты, жив, здоров и скоро будет в отпуск. Правда, я запечатан плохим сургучом; но как будет дрожать рука старушки, разламывая этот сургуч! Правда, я написан каракульками – и немудрено: меня писал солдат, выучившийся этому искусству самоучкою, писал куды плохим пером и на самой серой бумаге; но если бы ты видел, какая теплая слеза скатилась с его усов и упала на меня! Славная слеза, я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидает славная участь: не то что гордого барина, который, слава Богу, убрался восвояси. В него едва взглянут, а потом изорвут и бросят, сначала под стол, а потом в помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подарит доброю, горячею слезою, перечтет меня тысячу раз, тысячу раз прижмет к своему любящему сердцу и спрячет потом на груди, на своей доброй материнской груди. Эх, как бы поскорее принес меня этот неносный почтальон!

– А вы куда и с чем отправляетесь? – спросил любопытный Колин пакет, обращаясь к своему соседу с другой стороны, пакету с черной печатью.

– По цвету моей печати, – отвечал тот, – вы видите, что я несу грустную новость. Бедный мальчик, который теперь лежит в больнице, прочтет во мне, что его отец скончался. Я так же все облито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимого мужа, – рука матери, извещающей больного сына, что он потерял отца. Бедный Ваня! Как-то он перенесет это известие! Я воображаю, как испугается он, увидя мою зловещую печать, как задрожит, прочтя

во мне страшную новость, как упадет лицом на свою подушечку и зальется слезами. Эх, право, лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем ехать с таким известием.

Рука почтальона, остановившегося около какого-то учебного заведения, вытащила из сумки печальное письмо с черною печатью. У Колина письма очутился новый сосед, и этот был уже совсем иного свойства.

– Ха! ха! ха! – отвечал он на вопрос Колина письма. – Если бы вы только знали, какие уморительные вещи во мне написаны! Человек, написавший меня, превеселого нрава; я знаю, что тот, кто будет читать меня, непременно захохочет; во мне все написаны пустяки, но все такие забавные пустяки!

Другие письма, услышав разговор, также в него вмешались. И каждое спешило высказать, какую новость оно несет.

– Я несу богатому купцу известие, что товары его проданы по высокой цене.

– А я несу другому, что он банкрот.

– Я иду разбранить Васю, что он так давно не пишет к своим родителям.

– Меня писал деревенский дьячок от имени Акулины Трифоновны к ее мужу в Петербург, и я сверху донизу набито поклонами.

– А во мне что ни слово, то ложь, даже совестно ехать с таким грузом, право!

В разговор вмешались и повестки.

– То-то обрадуется тот, кто получит меня, – сказала одна повестка.

– Есть чему радоваться, – перебила другая, – ты только на десять рублей, а я на пять тысяч.

– Но тот, кому я адресована, – отвечала первая, – не знает,

чем разговестись в праздник, а на тебя не обратят внимания.

– Обрадуется и мне молодчик, к которому я послана: прокутит он денежки в два-три дня, спустит он их все по трактирам да по кондитерским: как будто не знает, что матери, которая их посылает, стоила много труда и лишений каждая копейка в этой сотне рублей и что она даже свою маленькую дочь оставила к празднику без подарка.

Так болтали между собою в сумке почтальона повестки и письма; а он между тем бегал по улицам и равнодушно разносил по домам радость и горе, смех и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важные известия и глупые, пустые фразы. Дошла наконец очередь и до Колина письма: почтальон отдал его дворнику, дворник – горничной, горничная – старой бабушке, которая сидела у окошка и, смотря в четыре глаза, вязала чулки. Бабушка распечатала пакет, вынула пустой лист и смотрела на него с удивлением, не понимая, кто это так глупо подшутил над нею.

     (Голосов: 5. Рейтинг: 4,00 из 5)

 Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Грядки гвоздики

Трое детей выпросили у матери каждый по небольшой грядке гвоздики и дожидались с нетерпением, когда цветы распустятся, потому что на гвоздике уже показались почки.

У младшего из братьев, однако же, неостало терпения дожидаться, пока почки развернутся сами, и он, прибежав рано утром к своей грядке, расковырял сначала одну почку: хорошенькие пестрые лепестки показались из-за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и он проворно раскрывал одну почку за другою; наконец вся его грядка зацвела.

– Посмотрите, посмотрите! – кричал он братьям, прыгая от радости вокруг своей грядки и хлопая в ладоши. – Посмотрите, моя гвоздика уже цветет, а на ваших грядках только листья да зеленые почки.

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше, и пестрые цветочки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились к земле, а к полудню потемнели и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась в печаль, и он горько плакал, стоя у своих увядших цветов.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 5. Рейтинг: 4,00 из 5)

☒ Загрузка...

Рассказ Константина Дмитриевича Ушинского. Птицы

В одной хорошенькой малороссийской деревеньке было столько садов, что вся она казалась одним большим садом. Деревья цвели и благоухали весной, а в густой зелени их ветвей порхало множество птичек, оглашавших окрестность звонкими песнями и веселым щебетаньем; осенью уже появлялось между листьями множество розовых яблок, желтых груш и сине-пурпуровых слив. Но вот несколько злых мальчиков, собравшись толпою, разорили птичьи гнезда. Бедные птицы покинули сады и больше уже в них не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но в садах было тихо и печально. Вредные гусеницы, которых прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь беспрепятственно и пожирали на деревьях не только цветы, но и листья: и вот обнаженные деревья посреди лета смотрели печально, будто зимою. Пришла осень, но в садах не было ни розовых яблок, ни желтых груш, ни пурпуровых слив; на ветках не перепархивали веселые птички; деревня не оглашалась их звонкими песнями.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: 5. Рейтинг: 4,00 из 5)

☐ Загрузка...

Рассказ Дмитриевича Ласточка

Константина
Ушинского.

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец. — Весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, веселых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнездышка. Работа закипела, ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнездышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то перышко, то стебелек моха.

Прошло еще несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остается в нем постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнездышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперед, как неутомимо добывали пищу своим деткам! Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил свое удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

– Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост, в сравнении с маленьким, легким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть, вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диговинки рассказала она тебе – о южнорусских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Черном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где все цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнездышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

– Я не думал, что ласточки улетают так далеко, – сказал мальчик.

– Да и не одни ласточки, – продолжал отец. – Жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелетными, также улетают от нас на зиму в теплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в Южной Германии и Франции; другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь еще дальше, перелететь все Средиземное море, чтобы вывести и накормить детей где-нибудь на берегах Нила.

– Отчего же они не остаются в теплых странах целый год, – спросил мальчик, – если там так хорошо?

– Видно, им недостает корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре верст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

     (Голосов: **5**. Рейтинг: **4,00** из 5)

 Загрузка...